

Сахибджан и Ахмаджан

Жили не голодны, не сыты старик со старухой в давние времена, когда волк был баковулом, лиса — ясаулом, ворон — музыкантом, воробей — доносчиком, черепаха — весовщиком, кабан — мясником, а лягушка была должна кучу денег. Старик и старуха жили бедно. Был у них дворик, во дворике стояла жалкая мазанка, а больше ничего у них не было. Старик ловил рыбу в реке, старуха ходила по домам и убирала, так и жили они вдвоем. Не было у них детей, а они очень и очень хотели их иметь.

Как-то старик говорит старухе:

— Слушай-ка, жена, мне уже пятьдесят пять, а тебе исполнилось пятьдесят. Нет у нас детей. А что с нами будет, когда мы и вовсе состаримся и к работе будем неспособны? Кто зажжет на нашей могиле свечи, когда мы умрем? Давай хорошенько попросим аллаха, может быть, он сжалятся над нами и пошлет нам сынка!

Старик и старуха долго слезно просили аллаха о сыне. Бог, видно, услышал их просьбу, родила старуха сына. Назвали его Сахибджаном, Не было границ радости старика.

— Достигли мы желанного, жена,— сказал он старухе.— Давай теперь воспитывать его. Народ говорит: от хороших людей остается человек, а от дурных людей — вопли и стенания. Воспитаем сына хорошо — люди поблагодарят нас, плохо воспитаем — люди проклянут нас.

Старухе пришились эти слова по душе.

После рождения сына старик и старуха сразу даже помолодели, почувствовали быстроту в ногах, силу в руках. Старик начал больше ловить рыбы. Из дома ушла нужда.

А Сахибджан рос себе понемногу и, наконец, исполнилось ему шестнадцать лет. Стал он рослым юношей, с широкими плечами, со стройной фигурой, ну прямо палван(Палван — богатырь.).

Однажды старик сказал сыну:

— Сынок, я теперь вовсе стар стал. На рыбную ловлю будешь ходить ты со мной.. Научишься ловить рыбу, да и подышишь свежим воздухом в поле, у реки.

— Хорошо, отец! Пойду с тобой к реке и буду все делать, что ты скажешь.

Отец и сын пошли к реке и захватили с собой сети. Воздух был чист, повсюду, куда ни глянь,— трава зеленая волнуется, птицы заливаются; широкая, не охватишь взглядом, полноводная река катит голубые воды, тихо и серебрясь.

Шли они вдоль реки, шли и, дойдя до тенистого высокого чинара, остановились.

— Вот здесь и начнем ловить рыбу, сынок,— сказал старик.

Расправил он сети и забросил их далеко в реку. Немного спустя вытянул их, а в них ничего нет. Снова закинул сети. Спустя немного времени старик начал тянуть их, но так они были тяжелы, что один он не смог их вытянуть, и позвал

сына:

— Сахибджан, сынок, иди помоги тянуть.

Сахибджан принялся помогать отцу. Но и вдвоем они не смогли вытянуть сети.

Старик выпрямился, вытер пот со лба.

— Ух, устал я,— сказал он.— Не иначе, как в сети попал кит!

Старик привязал один конец сетей к чинару и распорядился:

— Ну, сынок, другой конец не выпускай из рук, а я пойду позову кого-нибудь на подмогу, нам вдвоем не вытащить.

Сказал так старик и ушел в сторону кишлака.

Сахибджан сел на берег и стал смотреть на зеленые травы, на высокие деревья, что росли у реки, на тихое и величавое ее течение. Вдруг в сети ему почудилось что-то. Пригляделся он, а там сидит маленькая рыбешка. Грустно и с мольбой смотрит она на Сахибджана, а на глазах у нее слезы.

Сжалился Сахибджан над ней. «Она так же молода, как и я,— подумал он.— У нее есть, видно, родители, которые ждут не дождутся ее. Дай-ка выпущу ее, вот обрадуется!» Сказано — сделано. Сахибджан взял да и перерезал ножом конец сетей.

Выскочила рыбешка на волю, обрадовалась, покрутилась в воде у ног Сахибджана, порезвилась и исчезла.

Спустя некоторое время отец возвратился и привел с собой двух дехкан.

Увидел старик, что нет сетей.

— Где же сети? — спросил он Сахибджана.

Тот ответил:

— Мне стало жаль рыбу, она так металась и рвалась на свободу, что я отпустил ее.

Огорчился старик, а дехкане, которые пришли помочь ему, сказали:

— Если у родителей один сын, он вырастает или храбрым, или умным, или глупым, или трусливым. Трудно тебе было растить сына на старости лет, теперь бы он должен помогать тебе, а он не только не помогает, но даже выпускает выловленную рыбу да еще вместе с сетями. Недобрый он у тебя! Сказали они так и ушли. Старик же не промолвил ни слова.

Слова дехканина глубоко запали в душу Сахибджана.

На следующее утро он обратился к отцу со скромной просьбой.

— Отец, у меня рука не оказалась легкой. Вы вчера сами убедились в этом, мы не смогли поймать ни одной рыбы. Разрешите мне походить по городам, кишлакам, изучить какое-нибудь ремесло. Если улыбнется мне счастье, я буду помогать вам.

Горько было старику и старухе расставаться с сыном, но делать нечего, благословили они его и отпустили. Старуха наполнила его торбу лепешками и толокном. Вечером Сахибджан покинул кишлак.

Старик и старуха вышли проводить его на улицу с напутственным словом:

«Бери, да не отдавай. Возвращайся живым и здоровым».

Долго шел Сахибджан Он даже не смог сказать, сколько раз поднялось и опустилось солнце. Горы и степи приходилось ему проходить, реки и озера переплывал он.

Пришел он, наконец, в один кишлак. Решил отдохнуть, сел около хауза, под чинаром, и не заметил, как к нему подошел путник лет сорока с длинной бородой, с чалмой на голове.

- Эй, юноша, ты слишком еще молод, как я погляжу! Куда же ты идешь? — спросил он его.

— Я странник, — ответил Сахибджан.

— Ну, тогда давай вместе странствовать. Сахибджан решил испытать путника.

— Я иду долго-долго, — сказал Сахибджан, — но когда устану, сажусь и отдыхаю тоже долго, в течение этого времени своим темным покрывалом ночь три раза успеваешь покрыть землю. Ну как, согласны вы со мной странствовать?

— Нет, мне с тобой не по пути, — ответил путник и пошел дальше.

А Сахибджан, отдохнув, снова пустился в путь. Долго он шел, устал, сел отдохнуть на берегу широкой реки и не заметил, как к нему подошел путник с короткой бородой и без чалмы.

— Далеко ли идешь, братец? — спросил его путник.

— Так, странствую, — отвечал ему Сахибджан.

— Да вот и я пустился в странствия. Давай уж вместе, — предложил путник.

Сахибджан ему сказал:

— Если я иду, то иду очень долго, а когда устану, то отдыхаю столько, что за это время ночь успеваешь три раза покрыть землю своим ночным покрывалом.

— Твои странствия слишком длинны, пойду один, — решил путник.

Отдохнул Сахибджан, искупался в реке, взвалил торбу на плечи и снова отправился в путь. Шел он, шел — и дошел до развилки дорог. Присел он на камень отдохнуть. Не заметил, как к нему подошел юноша.

— Здравствуй, друг! — сказал он. — Далеко ли идешь?

— Здравствуй, — отвечает Сахибджан. — Я странствую.

— Я с той же целью хожу по дорогам. Давай ходить вместе, — предложил юноша.

— Послушай, друг! — ответил Сахибджан. — Я иду долго-долго, не когда устану, сажусь и отдыхаю. В течение этого времени ночь своим темным покрывалом три раза успеваешь покрыть землю.

— Ничего, мой друг, — сказал юноша. — Я тоже люблю долго отдыхать и много ходить, думаю, что в этом деле не уступлю вам.

«Видно, парень ничего, горячий и компанейский», — подумал Сахибджан.

— Ладно, пойдем вместе, — сказал он вслух юноше.

Сел юноша рядом с Сахибджаном, стали они беседовать.

Спросил его юноша, как его зовут.

— Меня зовут Сахибджаном. А как зовут вас?

— А меня зовут Ахмадджаном, — ответил тот. — Сколько вам лет?

— Недавно мне исполнилось шестнадцать, а сколько вам?

— Давайте побратаемся, — сказал Ахмадджан. — Мне исполнилось пятнадцать. Вы будете старшим братом, а я младшим.

Сахибджан достал из мешка лепешку. Одну половину взял себе, другую отдал Ахмадджану и сказал:

— Отныне все, что найдем, будем делить поровну.

Съев каждый свою половину лепешки, побратимы отправились в долгий путь. Шли они, шли, шли через поля и горы, моря и реки, наконец, пришли в один город. Стали они осматривать его. Пришли на базар. Видят — стоит глашатай и кричит во все горло:

— Эй, люди! Слушайте, слушайте! Знаменитый бай нашего города Абулькасымбай возводит медресе. Нужны рабочие-глинобитчики, кирпичники, плотники, кровельщики. Кто хочет, пусть идет к нему. Эй, люди! Слушайте, слушайте!

— Пойдем к баю, братец,— говорит Сахибджан Ахмадджану.— Поработаем. Научимся какому-нибудь делу.

Согласился Ахмадджан, и оба отправились на строительство медресе.

— Давайте нам кетмени и лопаты,— сказали они надсмотрщику работ,— один из нас будет глину месить, другой — кирпичи формовать.

Надсмотрщик работ выдал им кетмени и лопаты.

Побратимы запротестовали.

— Эти кетмени и лопаты не для нас. Слишком малы. Выдайте нам размером побольше. Чтоб кетмень весил один хишаки (Хишаки — мера веса, равная 53 фунтам.), а лопата б весила нишмаки (Нишмаки — мера веса, равная 26 фунтам.).

По приказанию начальника работ, кузнец развел в кузнице огромный костер и ковал целую неделю кетмени и лопаты. Сахибджан и Ахмадджан получили свои инструменты, начали месить глину и формовать кирпичи. Выполняли они работу за десятерых. Прошел месяц. Однажды в базарный день Ахмадджан предложил Сахибджану:

— Брат, давайте получим у надсмотрщика, что заработали, и пойдем на базар. Получили они деньги и пошли гулять. Чего-чего не было на базаре! Красные яблоки, желтые сочные персики, бархатный кишмиш, а огромных дынь и арбузов было столько, что они не помещались на прилавке и под прилавком, целые горы возвышались прямо на улице. Купили они себе свежих и сушеных фруктов и давай их есть.

Поели побратимы и пошли обратно. Долго еще трудились они, делая работу за десятерых. Их слава разнеслась повсюду. Узнал о ней и падишах соседней страны Карахан.

— Что за юноши такие,— подумал он,— надо позвать их и поговорить с ними. И послал он за юношами гонцов. Два дня скакали гонцы — не спали, не ели — в страну, где работали братья.

— Мы слышали, что вы сильные богатыри,— сказали гонцы.— Наш падишах желает вас видеть и говорить с вами. Если кто-то из вас выполнит три поручения, за того падишах отдаст свою единственную дочь. Многие смелые джигиты добивались руки дочери падишаха, но все они погибли: не смогли справиться с тремя поручениями.

Решили братья поехать к падишаху Карахану.

— Вы храбрые молодцы,— сказал им падишах.— У меня есть дочь на выданье. Всем богатырям я ставил три условия, но никто еще не смог их выполнить. Выполните условия, тогда одному отдам дочь, а другому — половину страны.

— Мы согласны, говорите ваши условия,— ответили юноши.

— У меня в саду появился страшный дракон. Каждый месяц он проглатывает девушку. Настал черед моей дочери. Дочь привязана к дереву в саду. Скоро должен прилететь дракон и проглотить ее. О моя дочь! Не успела ты вырасти, как уже погибнешь! Убейте дракона, спасите дочь,— стонал падишах.— В том же саду у меня растет чудесный инжир. У него необычайные плоды. Тот, кто будет есть их, долго останется молодым. Каждый год, когда плоды инжира начинают созревать, появляется див и съедает их. Второе мое условие — убить дива. В городе нет воды. Река, которая спускается с гор, теряется где-то среди песков. Третье мое условие — прорыть канал от реки до города.

Согласились юноши, только сказали падишаху:

— Велите изготовить для нас меч такой, чтоб в сложенном виде он имел в длину один аршин, а в раскрытом виде имел бы длину в сорок аршин. Кроме того, пусть изготовят для нас еще кетмень и лопату в сорок пядей длиной и в сорок пядей шириной.

По приказанию падишаха, кузнецы живо принялись за работу. Не прошло и дня, как юноши получили все, что требовали. Пошли они в сад падишаха. Начали спорить, кому убить дракона. Сахибджан говорил: «Я убью», а Ахмаджан возражал: «Нет, я его убью! Старший не трудится, если рядом с ним стоит младший».

Взял он меч и ушел в сад. Идет он и видит: лежит огромный дракон и смотрит на привязанную к дереву девушку, а у той от страха текут по щекам горькие слезы. Рассвирепел дракон, увидев юношу, и втянул ноздрями воздух.

Ахмаджан только качнулся. Дракон еще сильнее потянул в себя воздух.

Развернул Ахмаджан меч, полетел в пасть дракону и вышел из хвоста, разрезав чудовище пополам. Издох тут дракон. Дочь падишаха, трепетавшая в ожидании, когда съест ее дракон, была спасена. Вмиг разнеслась весть о счастливом событии по всему городу. Ко дворцу падишаха шел толпами народ, все хотели посмотреть на чудо-джигитов. Все благословляли юношей.

На следующий день Сахибджан и Ахмаджан взяли кетмень и лопаты и отправились к реке рыть арык. Пришли они на место — видят: людей видимо-невидимо: все копошатся, роют, а надежды получить воду ни у кого нет.

— Эй, добрые люди!—закричали юноши.—Дракон убит, город полон радости, идите и вы по домам веселиться. А арык пророем мы сами!

Обрадовались люди, многие ушли домой, а другие остались смотреть, что будут делать побратимы. Начали они рубить деревья, связывать вместе.

Бросили их в реку, потом набросали много хвороста, а сверх того, насыпали земли и камней. Шумела, возмущалась, бурлила река, пенилась, кидалась волнами на братьев, хотела сбить их, утащить на дно. Мужественно боролись с рекой братья. Победили они ее и перегородили. Вода поднялась, потекла к городу по арыку.

Пришли побратимы к падишаху, позвали его на башню, показали ему новую реку. Широка была река. Медленно катила она свои волны к городу. Ожила степь. Покрылась вся цветущими маками, и уже кое-где появились дехкане, возделывающие почву.

— Молодцы, юноши! Теперь осталось вам выполнить еще одно условие, а там и свадьбу сыграем!

Пошел Сахибджан в сад, вырыл яму под инжиром и лег там, дожидаясь наступления ночи. Стало так темно, что даже не было видно деревьев. Вдруг появился слабый свет. Сахибджан увидел страшного дива, поедающего инжир. Вышел Сахибджан из ямы и, развернув саблю, одним ударом рассек дива пополам. Обрадовался падишах и сразу отправился в сад есть инжир. Целую неделю без сна и отдыха ел инжир падишах и от обжорства еле мог двигаться, но все равно никак не мог помолодеть. Наконец пришел он к юношам и спросил:

— Теперь скажите мне, за кого же из вас выдать мне дочь мою?

— Ахмаджан оказался сильнее и смелее. За него и выдajte дочь,— сказал Сахибджан.

— Нет, государь,— ответил Ахмаджан,— старший должен быть в почете. Сахибджан старше меня. За него и выдajte.

Решили, что на царевне женится старший брат. По городу глашатаи разнесли весть о свадьбе. Заиграли карнай и сурнай, зарезали баранов и скотину, начался пир да веселье. Пир длился сорок дней и сорок ночей. Приехали гости с разных концов земли, чего только они не привезли в подарок жениху и невесте: и ковры, вышитые серебром и золотом, и тончайшие ткани, и драгоценные камни, величиной с куриное яйцо, и волшебное зеркало, в котором можно было увидеть самые отдаленные уголки земли.

Прошло немного времени. Однажды Ахмаджан говорит Сахибджану:

— Сегодня ночью я буду спать во дворе, пусть невестка постелит мне там.

Когда город погрузился в сон, Ахмаджан отправился в сад. На небе появилась луна, подобная золотому подносу, на котором подавали фрукты во дворце. Было очень тихо. Вдруг прилетели два ворона и сели на чинар, что рос во дворе. Один из воронов начал каркать:

— Ворон, ворон, птица черной вести!

— Я слушаю тебя, ворон, птица мрачных предсказаний.

— Зх, хорошо б обернуться теперь мне добрым конем, непокорным, норовистым, смелым, гарцевал бы я по камням и скакал бы по лугам, перескакивал моря и горы. Кого я достоин по силе, смелости и красоте? Зятя падишаха — Сахибджана достоин! Взял бы он меня, сел бы на меня, поскакал бы я, сбросил бы его и разбился б он. Тот, кто слышал меня и вздумает кому-нибудь рассказать об этом, пусть окаменеет до колена!

Потом закаркал второй ворон, птица черной вести:

— Ворон, ворон!

— Слушаем тебя, ворон.

— А кем же мне быть? Хорошо бы стать мне птицей с ярким оперением.

Прилетел бы я на базар, пел я б, заливаясь, покори́л бы своим пением всех.

Кого был бы я тогда достоин? Зятя падишаха, Сахибджана! Взял бы он меня в руки — да и умер! Кто слышал меня и вздумает рассказывать об этом, пусть окаменеет до пояса!

Прилетел третий ворон, приносящий людям одни страдания.

— Ворон, ворон!

— Мы слышим тебя, птица горьких страданий!

— А кем бы мне стать? Стать бы мне драконом. Ворвался бы с ветром-бурей через щель-дыру, да и проглотил бы Сахибджана и его жену. Тот, кто слышал меня, пусть окаменеет весь.

Сказали так вороны, посмотрели вниз и, увидев Ахмаджана, захохотали и улетели.

Настало утро, Сахибджан и Ахмаджан сели завтракать, чего только они не ели: и заморских фазанов, и нежных рябчиков, и жирную баранину с чесноком, и желтую рассыпчатую халву, и янтарный бекмес, и прозрачный миндаль.

Позавтракали и отправились на базар, а по базару ходил замечательный конь. Золотая была грива у коня, огневые глаза горели.

— Кого достоин конь этот?— спрашивали все.— Ну, конечно, зятя падишаха, Сахибджана!

Увидев коня, Сахибджан решил купить его.

— О брат, дайте я его сначала испытаю,— говорит ему Ахмаджан.— Если он выдержит испытание, тогда и купим.

— Хорошо, братец,— ответил ему Сахибджан.

Едва дотронулся Ахмаджан пальцем с кольцом до спины коня, как хребет его переломился надвое. Только удивились люди, а Сахибджан больше всех.

Пошли они дальше. Видят — один человек носит по базару чудесную птицу. За ним толпами ходит народ. Не было другой птицы, равной этой по красоте. Пела птица, заливалась.

— Кого достойна эта птица?— спросил человек.

— Зятя падишаха, Сахибджана!— ответил народ.

— О братец,— спросил Ахмаджан,— купите ли вы эту птицу, если она мне понравится?

— Куплю,— отвечает Сахибджан.

Только Ахмаджан приложил палец с кольцом к шее птицы, как голова у нее отлетела. Удивился народ, а Сахибджан больше всех.

Вечером Ахмаджан сказал брату:

— Брат, нынче я лягу спать возле очага.

— Да зачем тебе там спать? Спи, где всегда спишь! — ответил Сахибджан.

— Ничего, сегодня я лягу спать возле очага,— ответил Ахмаджан.

Когда наступила ночь, развернул Ахмаджан свой меч, поставил стоймя возле дыры у очага. Вдруг поднялся бешеный ветер, завывала буря — и пришел дракон, рванулся было в дыру, но напоролся на меч, и рассек он его на две части.

Брызнула кровь, и одна капля долетела до дворца и капнула в лицо царевны.

Подбежал к ней Ахмаджан, достал кисейный платок и, сложив его в семь раз, приложил к щеке невестки и стал через него обсасывать с лица кровь. В ту минуту проснулся Сахибджан и увидел, как Ахмаджан обсасывает кровь с лица жены, и закричал в гневе:

— Когда я предлагал жениться на ней, ты не женился. А теперь что ты делаешь? Недаром ты просился спать то во дворе, то у очага! Значит, ты не доволен моей женитьбой!

— О брат, дело не в этом! Напротив, я очень доволен. Есть тут другая причина. О ней скажу вам утром,— ответил Ахмадджан.

Настало утро. Невестка расстелила дастархан. За завтраком Сахибджан снова заговорил:

— Послушай, Ахмадджан, я предлагал тебе жениться на принцессе. Ты не захотел, а теперь совершаешь такие зазорные поступки.

— Брат! Видно, придется вам рассказать обо всем,—говорит Ахмадджан.— Ночью, когда я выбрался спать во двор, прилетели три ворона и уселись на чинар.

И только рассказал он, что говорил первый ворон, как ноги его окаменели. Увидев это, Сахибджан и жена его поразились и ужаснулись. Ахмадджан хотел было рассказать, что говорил второй ворон, но тут заволновался Сахибджан:

— Молчи, не говори!

— Ну чему быть, того не миновать,— ответил Ахмадджан и рассказал дальше. И как только рассказал о втором вороне, окаменел до пояса. А когда рассказал о третьем вороне, превратился в большой камень. Заплакали тут муж и жена и, не зная, что теперь делать, подняли камень и вынесли на улицу. Вдруг к ним подошел старец с длинной бородой и посохом в руке.

— Отчего вы так горько плачете, дети мои?— спросил он. Сахибджан рассказал ему всю историю.

— Ставь камень на землю,— сказал старец.

Сахибджан опустил камень на землю. Старец посохом толкнул камень, и он вдруг снова стал Ахмадджаном. Чихнул Ахмадджан и сказал:

— Крепко же я спал.

Все обрадовались.

Потом заговорил Ахмадджан:

— Брат, наверное, у вас есть отец и мать. Есть они и у меня. Наверное, они ждут, не дождутся нас с вами. Давайте оба вернемся к своим родителям.

Понравились эти слова Сахибджану. Пришли побратимы к падишаху и сказали ему об этом.

— Есть у нас родители. Услужить им, помогать им — наш сыновний долг. Они ждут нас и не дождутся. Разрешите нам поехать к ним!

Падишах нашел их слова правильными и разрешил им ехать.

— Дочь ваша поедет с нами, или останется здесь?—спросил Сахибджан.

— Жена должна быть там, где находится муж,— ответил падишах Карахан.

Подарив им сорок мулов с вьюками дорогих подарков и снабдив их на дальнюю дорогу съестным, падишах сказал им:

— Доезжайте до родины здоровыми и счастливыми, да не забывайте и нас.

Народу грустно было расставаться со смелыми джигитами.

Звуками карнаев и сурнаев проводил их в путь городской люд.

Ехали они день, другой, третий... Долго ли ехали, коротко ли, а приехали к берегу полноводной реки.

— Тут я расстанусь с вами, брат. Поеду в другое место,— сказал Ахмадджан.— Помните, что вы говорили, когда мы впервые встретились?

— Помню,— ответил Сахибджан.— Я говорил: все, что найдем, будем делить

поровну и есть-пить вместе.

— Тогда давайте все делить.

— Хорошо. Только большую половину добра возьмешь ты,— ответил Сахибджан.

— Нет, мой брат,— возразил Ахмадджан,— и добро и жену — все будем делить поровну.

— А как же жену станем делить?— удивился Сахибджан.

— А вот как. Привяжем ее к чинару, разрубим пополам. Хотите — берите верхнюю половину, хотите — нижнюю.

Ахмадджан привязал царевну к чинару, и только коснулся ее тела острием меча, как царевна закричала — и из ее рта вылетел сгусток крови. Бросив меч на землю, Ахмадджан растоптал сгусток, вернулся к брату и проговорил:

— Брат мой, помните, когда я, приложив к лицу вашей жены кисейный платок, хотел избавить ее вот от этой крови. Это ядовитая слюна дракона. Жена ваша должна была умереть. Теперь ваша жена в безопасности. Пусть и жена ваша и все добро останется с вами. Везите все к своим родителям и порадуйте их. Помните, вы однажды выпустили маленькую рыбку из отцовских сетей. Эта рыбка — я.

Поцеловал Ахмадджан побратима, простился с ним и кинулся в реку. В воде он обернулся рыбкой и уплыл. Долго Сахибджан смотрел, не отрываясь в реку, туда, куда уплыла рыбка, пока вода в том месте, куда нырнула рыбка, не успокоилась. Огорченный Сахибджан приехал с женой в родной кишлак.

Приехали они, а отец и мать его слезами исходили, грустили о пропавшем сыне. Увидели сына, перестали плакать, на радостях сразу помолодели.

Долго рассказывал Сахибджан о своих странствиях.

Старик и старуха радостно обняли невестку, не знали, куда ее усадить.

Сахибджан привез в дом стариков радость, изобилие и счастье. Жил он с женой до глубокой старости. Дети их, когда выросли, тоже отправились странствовать. Но о них, их странствиях можно рассказывать еще очень долго.

Оставим все это для другой сказки.